

УДК 94(73).091.3

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2024-2/72-82>

Е.С. Юрченко*

МИССИЯ ПОСЛА США В ЯПОНИИ Р. С. МОРРИСА В СИБИРЬ В 1919 г.

В статье рассматривается дипломатическая миссия посла США в Японии Р. Морриса в Сибирь в июле-августе 1919 г. Автор акцентирует внимание на стремлении американского руководства использовать миссию, чтобы оказать влияние на политику Омского правительства, а также добиться реализации принципа «открытых дверей» в отношении сибирских железных дорог. В статье анализируются причины, побудившие посла Морриса рекомендовать своему правительству поддержать Колчака и предоставить дипломатическое признание его правительству в августе 1919 г., дается оценка роли миссии в процессе формирования «русской политики» Вашингтона летом-осенью 1919 г.

Ключевые слова: Гражданская война в России, США, иностранная интервенция, Сибирь, Омское правительство, дипломатическая миссия, Роланд С. Моррис

The mission of the U.S. Ambassador to Japan R.S. Morris to Siberia in 1919.
EKATERINA S. YURCHENKO (Pacific National University, Khabarovsk, Russia)

The article examines the diplomatic mission of the U.S. Ambassador to Japan Roland S. Morris to Siberia in July-August 1919. The author focuses on the desire of the American leadership to use the mission to influence the policy of the Omsk government, as well as to achieve the implementation of the open door policy in relation to Siberian railways. The article analyzes the reasons that prompted Ambassador Morris to recommend to his government to support Kolchak and grant diplomatic recognition to his government in August 1919, and assesses the role of the mission in the process of forming Washington's «Russian policy».

Keywords: Russian Civil War, allied intervention, Siberia, Omsk government, diplomatic mission, Roland S. Morris

Цели и характер американской политики в отношении белого движения в годы Гражданской войны по сей день являются предметом дискуссий. В данном контексте обращение к

теме пребывания американского посла в Японии Р.С. Морриса в Сибири в период кризиса колчаковского движения позволяет составить более многогранную картину, отражающую

* ЮРЧЕНКО Екатерина Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент Высшей школы педагогики и истории Тихоокеанского государственного университета, г. Хабаровск, Россия, y-k22@yandex.ru

© Юрченко Е.С., 2024

весь спектр противоречий, определявших курс официального Вашингтона в вопросе об отношении к противоборствующим силам в России. Несмотря на большой интерес исследователей к проблеме участия США в иностранной интервенции в годы Гражданской войны, дипломатическая миссия посла Морриса в большинстве случаев лишь формально упоминается в отдельных работах. Так, в работе Е.И. Поповой [3] нашло отражение участие посла Морриса в заключении и реализации американо-японского соглашения по железным дорогам. Однако миссия в Сибирь упоминается в качестве эпизода, иллюстрирующего стремление США поддержать А.В. Колчака [3, с. 15]. Исключением в отечественной историографии можно считать работу М.И. Светачева. Автор подчеркивает негативную оценку американским дипломатом характера омского режима [4]. Также в работе американских исследователей Ю.П. Трани и Д.Э. Дэвиса миссия Р. Морриса представлена как попытка правительства В. Вильсона скорректировать политику в «русском вопросе» в условиях обострения внутривосточной обстановки в США и борьбы за реализацию внешнеполитической программы президента [2].

Летом 1919 г. президент США В. Вильсон находился в крайне сложной ситуации. Ему предстояло добиться от Конгресса ратификации Версальского мирного договора, который являлся краеугольным камнем всей вильсоновской программы послевоенного переустройства мира. Рост изоляционистских настроений в американском обществе и преобладание республиканской оппозиции в Конгрессе создавали серьезную угрозу планам президента. Участие американских войск в интервенции в России являлось одним из наиболее уязвимых мест во внешней политике Белого дома. Республиканцы в обеих палатах Конгресса все настойчивее требовали отчета о целях пребывания американского контингента в Сибири. Политическая элита США раскололась по вопросу о необходимости дальнейшей поддержки антибольшевистских сил и изоляции большевиков. Этот раскол ощущался и в самом правительстве. Государственный секретарь Р. Лансинг полагал, что правительство А.В. Колчака является решающей силой в борьбе с большевиками и США должны усилить его поддержку. Президент воспринимал Омское правительство как реакционную военную диктатуру, которую должно сменить демократическое гражданское правительство.

Одной из приоритетных задач пребывания американского контингента в России являлась реализация принципа «открытых дверей» в отношении сибирских железных дорог. Выполнить данную задачу руководство официального Вашингтона планировало посредством передачи управления дорогами американской железнодорожной миссии и охраны дорог в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке экспедиционным корпусом под командованием генерала У. Грейвса. При этом позиция президента полностью исключала вмешательство американских военных в политическое противостояние и поддержку какой-либо из враждующих сторон [5]. Однако в условиях Гражданской войны осуществить данный план оказалось невозможно. Противодействие со стороны союзников, в первую очередь Японии, вынудило США пойти на подписание межсоюзного соглашения по контролю над КВЖД и Транссибирскими железными дорогами. Соглашение предусматривало создание Межсоюзнического комитета из представителей каждой союзной державы, имеющей вооруженные силы в Сибири, включая Россию. Под контролем комитета создавался Технический совет, который должен был осуществлять техническое и экономическое управление железными дорогами. Военно-транспортный совет союзников координировал военные перевозки. Председателем Межсоюзного комитета был назначен министр путей сообщения Омского правительства Л.А. Устругов, а председателем Технического совета – глава американской железнодорожной миссии Дж. Стивенс [6, р. 239]. Железные дороги к западу от озера Байкал должны были охранять войска Чехословацкого корпуса. К востоку от озера контроль над железными дорогами обеспечивали японские части и американский экспедиционный корпус. Реализация соглашения оказалась в зависимости от действий казачьих атаманов И.П. Калмыкова и Г.М. Семенова, которые, опираясь на поддержку Японии, фактически контролировали значительные территории в Забайкалье и на Дальнем Востоке, парализовав железнодорожное сообщение. Адмирал Колчак оказался не в состоянии взять атаманов под контроль. Донесения генерала У. Грейвса и Дж. Стивенса о бесчинствах атаманов стали для президента Вильсона еще одним поводом отложить вопрос о признании Омского правительства [5].

Позиция американского президента стала определяющей при разработке ноты союзников

Колчаку 26 мая 1919 г. Вместо дипломатического признания Верховный правитель получил перечень требований, от выполнения которых зависело продолжение помощи. С подачи В. Вильсона в него вошли такие пункты, как созыв Учредительного собрания, расширение местного самоуправления, гражданские свободы. Однако военные неудачи и отступление армий А.В. Колчака летом 1919 г. поставили американское руководство перед дилеммой: с одной стороны, слабость омского режима делала бесперспективной продолжение помощи, с другой – окончательное поражение Колчака могло поставить крест на американских планах в отношении сибирских железных дорог и способствовать расширению японской экспансии в регионе Восточной Сибири и Дальнего Востока. Ситуация менялась ежеминутно, американские представители в России не могли прийти к единому мнению относительно того, какие действия следует предпринять. Президент желал получить информацию из первых рук. Он рассчитывал, что это поможет сформулировать программу действий, которую можно будет представить Конгрессу.

Для более детального анализа ситуации руководство официального Вашингтона приняло решение об отправке в Сибирь миссии под руководством Чрезвычайного полномочного посла в Токио Роланда С. Морриса. Выбор был не случайным. Он не являлся карьерным назначенцем. Юрист и председатель демократической партии Пенсильвании, Моррис был назначен на должность посла 30 октября 1917 г. В октябре 1918 г. он посетил Владивосток, вдохновившись масштабами перемен в России в ходе революции. На протяжении 1918–1919 г. на своем посту в Японии посол прилагал значительные усилия, чтобы сгладить противоречия между США и Японией, возникавшие из-за конфликтов между командующим американским контингентом в Сибири генералом У. Грейвсом и японскими военными, оказывавшим открытую поддержку атаманам Г.М. Семенову и И.П. Калмыкову. Моррис принял непосредственное участие в подготовке и заключении межсоюзного соглашения по железным дорогам. Кроме того, с отдельными представителями японского военного руководства в Сибири у Морриса сложились дружественные отношения. Это позволяло надеяться, что посол сможет добиться выработки совместной политики с японцами.

В своих действиях Р.С. Моррис должен был руководствоваться нотой союзников от 26 мая. Это, по мнению президента, не предполагало признания, но позволило бы американскому руководству проявить «сочувственный интерес к организации и деятельности Колчака» [6, р. 388]. Особое внимание уделялось вопросу о том, насколько сильно влияние реакционеров на адмирала и способен ли он контролировать правых [8, р. 189]. Посол должен был добиться от Колчака гарантий демократических реформ и проведения политики «открытых дверей» в отношении сибирских железных дорог. Также визит посла должен был продемонстрировать Японии, что США не потерпят японского доминирования в регионе, избежав при этом открытой конфронтации [8, р. 130–131].

Государственный департамент уведомил российского посла в Вашингтоне Б.А. Бахметева о том, какое значение придается данной миссии американским президентом. Российская сторона, в свою очередь, связывала с визитом дипломата надежды на решительные изменения в американской политике. Омский МИД в отсутствие министра иностранных дел Д.С. Сазонова, находившегося в Париже, фактически возглавил товарищ министра И.И. Сукин. На него легла основная ответственность за работу с послом Моррисом. Ранее он являлся сотрудником российского посольства в США и ратовал за укрепление отношений Омского правительства с Соединенными Штатами.

10 июля Моррис прибыл во Владивосток. На следующий день он отправился в Омск в сопровождении генерала У. Грейвса. Накануне отъезда ему еще раз напомнили из Государственного департамента о необходимости сосредоточиться на решении вопроса о железных дорогах, без которого «невозможно было экономическое восстановление Сибири и, в конечном счете, Европейской части России» [6, р. 266]. Информация, полученная от Грейвса, а также собственные наблюдения привели Морриса к весьма неутешительным выводам. 22 июля он направил доклад руководству. Военное положение антибольшевистских сил посол охарактеризовал как критическое, отметив полную деморализацию армии. Он доложил в Госдепартамент, что Колчак не в состоянии противодействовать Японии и основная масса населения его не поддерживает [8, р. 466]. Отчет Морриса вызвал неоднозначную оценку в Вашингтоне. Государственный секретарь Р. Лансинг

был склонен оправдывать недостатки омского режима временными военными трудностями, а угрозу японской экспансии считал сильно преувеличенной. Ответственность за имевшие место в политике в Сибири противоречия между американцами и японцами он возлагал на генерала Грейвса.

Американский президент, чьим инструкциям Грейвс стремился следовать неукоснительно, полагал, что США должны придерживаться политики невмешательства в Гражданскую войну. Вильсон разделял точку зрения генерала на то, что ситуация, сложившаяся в Сибири, грозит перерасти в столкновения между японскими и американскими войсками. Он полагал, что дальнейшее пребывание американских войск в России лишено смысла, поскольку они не могут обеспечивать безопасность железных дорог в Сибири из-за действий казачьих атаманов, опирающихся на поддержку Японии [7, р. 573–578]. Ключевой составляющей программы президента в «русском вопросе» было невмешательство американских войск в Гражданскую войну, что в условиях постоянных конфликтов Грейвса с казаками становилось все труднее осуществлять на практике. Подобное развитие событий могло обернуться дополнительным аргументом против его внешней политики для республиканской оппозиции в Конгрессе. В своем обращении к Сенату в июне 1919 г. Вильсон заявил, что американские войска находятся в Сибири для спасения чехов и помощи русским в восстановлении закона и порядка [8, р. 759]. Выделение значительных средств и дополнительных войск было возможно только с одобрения Конгресса. В условиях развернувшегося между демократами и республиканцами противостояния по вопросу о ратификации Версальского мира президенту нужны были весомые доказательства того, что поддержка Колчака соответствует демократическим целям, которые были положены в основу его мирной программы. Он акцентировал внимание Морриса на необходимости добиться отстранения от власти военных реакционеров в окружении адмирала и расширить представительство земств и кооперативов в органах власти Омского правительства. Также было важно, чтобы союзники осуществляли согласованную политику в Сибири. В. Вильсон дал распоряжение знакомить с докладами Р. Морриса Верховный военный совет Антанты в Париже.

В конце июля Р.С. Моррис встретился с И.И. Сукиным. Сукин вынужден был признать

серьезность военной ситуации. Он настаивал, что угроза со стороны Японии растет, и обвинил японские официальные лица в намеренной дискредитации политики США. Сукин заявил, что атаман Семенов «находится под японским контролем, и Колчак имеет над ним лишь номинальную власть» [6, р. 397]. Он постарался убедить Морриса в том, что причиной роста антиамериканских настроений среди окружения Колчака является нерешительная политика официального Вашингтона. Однако Моррис сразу постарался снять с себя лишнюю ответственность. Он заявил, что не располагает полномочиями для того, чтобы предписывать правительству какие-либо действия, и в его задачи входит лишь обсуждение проблем и выработка общего с союзниками плана действий. Понимая необходимость предотвратить возможный конфликт с Японией, Моррис неоднократно подчеркивал в беседе с Сукиным намерение согласовывать свои действия с японскими представителями.

Р.С. Моррис обозначил в беседе с И.И. Сукиным перечень вопросов, подлежащих обсуждению [6, р. 398]. Наиболее значимым из них являлся железнодорожный. Американец отметил, что союзники не удовлетворены первым опытом деятельности Межсоюзного железнодорожного комитета и недостаточным содействием со стороны русских властей. Обсуждению подлежали такие проблемы, как эксплуатация железных дорог, их охрана (сюда был включен вопрос об эвакуации чехов и замене их другими союзными отрядами), финансирование железных дорог. Помимо железнодорожного вопроса необходимо было решить также целый ряд насущных проблем: получение военного снабжения из-за границы, займы и упорядочение денежного обращения, помощь населению товарами, борьба со спекуляцией, работа Красного креста и организация благотворительной помощи.

Несмотря на пессимистический настрой, Р. Моррис полагал, что правительству Колчака удастся пережить кризис. Необходимо было направить усилия на то, чтобы оно было способно содействовать американским планам. По мнению госсекретаря Р. Лансинга, проблемы правительства А.В. Колчака были обусловлены недостаточным вниманием к вопросам гражданского управления. Он подчеркивал, что на мнение и выводы посла возлагаются особые надежды, поскольку информация, поступающая от других американских представителей, слыш-

ком противоречива и не позволяет составить объективную картину, «особенно в отношении основы и степени народной поддержки Колчака к западу от Иркутска» [6, р. 399].

Р. Моррис встретился с А.В. Колчаком. Адмирал указал, что его режим носит временный характер и «его правительство не стремится перестраивать политическую жизнь России, за исключением тех случаев, когда это могло быть необходимо для достижения его единственной цели – свержения большевистской тирании в Европейской части России». Он выразил свою убежденность, что эта цель должна быть достигнута самим русским народом, и сказал, что он не желает и не просит помощи иностранных войск в борьбе с большевизмом. Вместо этого он попросил о достаточном количестве войск союзников для надлежащей охраны линии коммуникаций и кредитах, которые позволили бы его правительству закупить припасы и оборудование. Колчак выразил свое полное согласие с необходимостью выработать общий план поддержки [6, р. 400].

В своем отчете о переговорах С.Д. Сазонову И.И. Сукин заметил, что, изначально настроенный негативно по отношению в Колчаку, посол изменил свое отношение после личной встречи. По мнению заместителя министра, фактором, осложнявшим переговоры, являлось шаткое положение дел на фронте. Оно заставляло американцев сомневаться в жизнеспособности Омского правительства. Сукин настаивал, что итоги миссии Морриса могли привести к отказу от продолжения помощи не только со стороны США, но и со стороны Франции и Англии (Государственный архив Российской Федерации, далее – ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 3. К. 93. Р. 3). В своих отчетах Сукин старался не акцентировать внимание на таком аспекте переговоров, как демократизация. Американский дипломат обозначил этот вопрос как «билль о правах». «Под ним я подразумеваю тщательно подготовленное заявление, опубликованное Колчаком, гарантирующее определенные фундаментальные права личности. Большая часть недовольства нынешним правительством, деморализация и паника, по моему мнению, вызваны полной незащищенностью личности и имущества», – пояснял Моррис свою позицию руководству Госдепартамента [6, р. 402].

На встрече с представителями Пермского университета в конце июля посол заявил: «Если Америка и другие союзные державы не оказы-

вают помощи России в ее борьбе с большевиками в полной мере, то это объясняется не какими-либо иллюзиями западных держав насчет большевизма, а тем, что эти державы не находят в России общественной группы, которая могла быть достаточно авторитетной, чтобы объединить вокруг себя весь русский народ для борьбы против большевиков». Он вновь указал на преобладание военных в системе управления и недоверие к власти со стороны населения, сравнив Омское правительство с Временным правительством князя Львова (ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 542. Л. 52–53).

Посол Р. Моррис довольно быстро осознал, какие надежны связывают с его приездом русские власти. Одновременно с этим он понимал, что ситуация критическая и любой поспешный шаг может поставить Белый дом в затруднительное положение. По его словам, он в своих действиях исходил из трех предположений: что союзники находятся в оппозиции к большевистскому режиму; что движение Колчака переживет военный кризис; что в таком случае США готовы оказать ему помощь и поддержку, если будет разработан практически осуществимый план. И этот план, в первую очередь, должен был решить вопрос о железных дорогах [6, р. 400].

Моррис обратил внимание на тот факт, что железную дорогу от Иркутска до Томска контролируют чехи, которые достаточно эффективно справляются с этой задачей, но не намерены проводить еще одну зиму в России. «По мнению всех, с кем я беседовал, – представителей Чехии, британских и французских военных, наших железнодорожников, консулов союзников и даже вдумчивых и умеренных русских, таких как православный епископ в Красноярске и назначенный Колчаком губернатор Томской области, – вывод чехов стал бы сигналом к мощному антиколчаковскому, если не пробольшевистскому восстанию во всех городах вдоль железной дороги Иркутск–Омск», – телеграфировал Моррис в Госдепартамент. Посол считал, что подобная ситуация сложилась из-за целого ряда просчетов, допущенных колчаковским руководством. В первую очередь, он имел в виду тот факт, что в Восточной Сибири власть Колчака представляют казачьи атаманы, которые не пользуются доверием населения. Не менее пагубно на политику Омского правительства влияло то, что в системе управления преобладали старорежимные чиновники и военные, не

желавшие менять свои взгляды и методы управления. Местное самоуправление ликвидировано. Правительство Колчака не предприняло мер для улучшения экономической ситуации, повсюду царил спекуляция и коррупция. Система воинской повинности вызвала протесты среди крестьян и городского населения, поскольку новобранцев отправляли на фронт необученными, не экипированными, плохо снабжали продовольствием, обрекая их на смерть [6, р. 396]. С мнением Р.С. Морриса вынужден был согласиться госсекретарь Р. Лансинг. Он полагал, что реакционеры станут самой серьезной угрозой для Колчака, особенно если смогут заручиться поддержкой Японии [6, р. 402].

Стремление японского руководства использовать свое влияние на отдельных представителей антибольшевистских сил в Сибири и на Дальнем Востоке для дальнейшей экспансии грозило полной потерей контроля над железными дорогами. Моррис доложил в Госдепартамент, что железные дороги от Владивостока до Пограничной фактически находятся под контролем казачьих атаманов, которые оказывают противодействие Дж. Стивенсу и Техническому совету. Совет должен был осуществлять управление и эксплуатацию железных дорог на востоке России. Однако атаман Г.М. Семенов отказывался признавать его полномочия. 18 июля Семенов был произведен в генерал-майоры и назначен помощником командующего Приамурского военного округа. Американская дипломатия расценила это назначение как одобрение его действий омскими властями и усиление влияния Японии. Белый дом выразил протест, но на ситуацию это не повлияло.

Р. Моррис обратил внимание на то, что в той части Китайско-Восточной железной дороги, которая проходит через северную Маньчжурию, включая Харбин и станцию Маньчжурия, проблемы с казаками нет. Здесь японские власти придерживаются железнодорожного соглашения. Но при этом они по-прежнему держат войска на всех станциях в Маньчжурии, удерживают все ранее занятые казармы, завершили прокладку своих частных телефонных и телеграфных линий и содержат свой технический персонал. По мнению посла, это свидетельствовало о том, что японцы готовятся к дальнейшему продвижению [8, р. 571–573].

Р. Моррис принял активное участие в подготовке нового межсоюзного соглашения по железным дорогам. В конце июля на совещании

с представителями союзников и правительства Колчака была достигнута договоренность о том, что чехословаки будут заменены на союзные войска, которые будут не только защищать железные дороги, но и оказывать содействие администрации; будут приняты меры против вмешательства военных в управление железными дорогами. Действие всех русских законов о железных дорогах приостанавливалось на время действия межсоюзного соглашения.

Государственный департамент частным образом уведомил российское посольство в Вашингтоне о решении союзников выделить первые 20 млн долл. для финансирования железных дорог. Из американской части планировалось выплачивать содержание корпуса Дж. Стивенса и закупки железнодорожного имущества в США (ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 3. К. 93 Р. 3). Однако реализация плана находилась в зависимости от способности адмирала удержать власть, сохранить контроль над территорией и сдерживать рост японского влияния.

В начале августа военное положение Омского правительства резко ухудшилось. И.И. Сукин по поручению Верховного правителя созвал на совещание союзных представителей. В своем отчете министру об этой встрече Сукин подчеркивал: «Я сделал им исчерпывающее и вполне откровенное сообщение о нашем военном положении, командных мероприятиях и предположениях. При этом я заявлял, что правительство, уверенное в конечном успехе своего дела, с полным спокойствием и твердостью будет проводить свой политический курс, невзирая на изменившиеся условия военной обстановки и намеревается широко использовать общественные силы и энергию страны» (ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 3. К. 93. Р. 3).

Поражение антибольшевистских сил могло привести к тому, что ни одна из задач, стоявших перед миссией Морриса, достигнута не будет. 6 августа посол телеграфировал в Вашингтон свои наблюдения относительно военного положения белых в Сибири. По его мнению, несмотря на небольшой численный перевес, антибольшевистские силы уступают большевикам. «Все отчеты указывают на то, что Сибирская армия полностью дезорганизована, деморализована и в панике. Среди командиров царят зависть и интриги. Я достоверно информирован о том, что большое количество линейных офицеров бросают свои части и бегут в тыл, что очень многие были застрелены своими солдата-

ми и что не менее 4 000 офицеров нашли убежище в Омске», – писал Моррис. Он составил аналитическую записку, дав подробную оценку Колчаку и его окружению. Американский дипломат подчеркнул, что считает адмирала честным и мужественным человеком с благими намерениями. Однако у Верховного правителя нет опыта управления, он фактически не оказывает влияния на Совет министров и является диктатором лишь формально. «Дух и цели правительства Колчака, я полагаю, умеренно либеральны и прогрессивны. Если исключить военных чиновников старого режима, которые составляют большинство в Генеральном штабе, людей из окружения Колчака нельзя отнести к реакционным по своим целям. Некоторые из них монархисты, некоторые республиканцы и несколько социалистов. Я уверен, что Колчак и его сподвижники, если бы остались у власти, выполнили бы свое обещание созвать Учредительное собрание. Их слабость заключается не в духе или целях, она заключается в полном отсутствии у них опыта и эффективности», – настаивал посол.

Давая оценку системе управления, Моррис подчеркивал, что гражданские управленцы не способны предпринимать действенные шаги, «они потеряли всякую связь, если она у них когда-либо была, с теми группами населения, кооперативами, земствами, существующими партийными организациями, которые знают условия и могли бы предложить практически осуществимые меры». Именно это, по мнению американского дипломата, стало причиной того, что реальная власть оказалась в руках военных. Они ради победы над большевиками совершенно не щадили население и не заботились о состоянии тыла. Их действия привели к полному краху экономики. Единственная транспортная система, по мнению посла, выживает только под защитой чешских войск и союзников. Везде царит коррупция, а Колчак не предпринимает никаких серьезных мер, чтобы ее обуздать. Однако, несмотря на военные, политические и экономические неудачи Колчака, Моррис в августе 1919 г. альтернативы его правительству не видел. Он был убежден, что «выбор, который стоит перед каждым умеренным в Сибири, состоит в выборе между Колчаком и большевизмом» [6, р. 404–405].

«Является ли правительство Колчака в том виде, в каком оно существует сейчас, достаточно сильным, чтобы спасти Россию от тисков

большевизма? С сожалением сообщаю, что, по моему мнению, это не так. Только радикальные изменения в кадрах и методах сделают его способным выполнить такую задачу, независимо от того, насколько большую поддержку могли бы оказать ему правительства союзников», – настаивал в своих донесениях американский дипломат. Он полагал, что нужны жесткие меры в отношении военных чиновников, «которые спекулируют армейскими припасами, пока солдаты остаются без продовольствия, реквизируют железнодорожные вагоны и продают их по огромным ценам». Также необходимо было создать совещательный орган из крестьян и земских представителей. Моррис полагал, что нынешние власти не способны все это осуществить. На вопрос, можно ли кардинально изменить положение при поддержке союзников, Моррис затруднился дать однозначный ответ, полагая, что это будет весьма сложный длительный процесс [6, р. 408–409].

В начале августа А.В. Колчак встретился с представителями союзников и сообщил им, что армия будет отступать к реке Ишим, однако сдавать Омск он не планирует, поскольку это может повлечь за собой падение правительства. Колчак просил союзников сохранить доверие его правительству еще хотя бы три-четыре недели, продолжить поставки оружия и выработку общего плана поддержки его правительства. Американский посол согласился с тем, что подобные меры в текущий момент жизненно необходимы [6, р. 412]. Моррис был уверен, что армии Колчака не удержаться на позициях. Он попросил У. Грейвса лично отправиться в Ишим, чтобы на месте оценить, есть ли шанс спасти ситуацию. Сам он был настроен крайне скептически. Грейвс подтвердил информацию о катастрофическом положении в армии. В это время Сукин сообщил Моррису о том, что планируется провести реформы в системе управления. Но американский дипломат не верил в эффективность этих начинаний. Вместе с тем он был убежден, что падение Колчака будет иметь следствием неизбежную победу большевиков и господство Японии в регионе. Он попытался сгладить впечатление от своей критики в адрес омских властей. Моррис написал в Вашингтон, что Омское правительство – единственное, с которым можно взаимодействовать в текущий момент. Поэтому американское руководство должно безотлагательно предпринять действенные шаги для его спасения [6, р. 415].

В середине августа Колчак вновь встретился с Моррисом. Адмирал оправдывал военные неудачи тем, что его правительство недооценило большевиков. Колчак заявил, что был чрезмерно сосредоточен на решении военной задачи, упустив из виду экономические проблемы. Вместе с тем Верховный правитель настаивал на том, что большевистский режим в западных регионах слабеет, и Омскому правительству жизненно важно получить помощь союзников. На вопрос Морриса о том, что произойдет с антибольшевистским движением в Сибири, если правительство Колчака падет, адмирал ответил, что на смену единому движению придут локальные. Лидирующим из них станет движение Семенова, которому, без сомнения, окажет помощь Япония. Колчак настойчиво интересовался тем, поддержит ли правительство США план помощи его правительству, выработанный союзными представителями. Однако Моррис не стал его обнадеживать. «Возможно, я был слишком сдержан, но я боялся, что каким-то словом или действием я могу вселить надежды, которые будут обмануты», – пояснял он свою позицию в ответ на критику со стороны русской прессы [6, р. 417].

К концу августа генерал У. Грейвс принял решение уехать из Омска во Владивосток. Р. Моррис, не получивший от руководства инструкций, решил отправиться с ним. Он доложил, что в текущих условиях действие межсоюзного соглашения по железным дорогам фактически не выполняется. Среди чехов начались волнения, которые могут привести к тому, что они самовольно двинутся на восток. По мнению американского посла, только немедленное признание со стороны союзников могло предотвратить крах правительства Колчака. Посол был серьезно озабочен тем, что в условиях кризиса позиции сторонников сотрудничества с США в окружении Колчака ослабли. Росло влияние тех, кто ратовал за помощь Японии. Русские чиновники на железных дорогах уже не скрывали своего враждебного отношения к американцам [6, р. 419].

В своем итоговом докладе в конце августа Моррис рекомендовал правительству США предоставить Омскому правительству дипломатическое признание, выделить 200 млн долл. и отправить 20 тыс. американских солдат для охраны железных дорог. Посол объяснил свои рекомендации главе Госдепартамента необходимостью спасти Омское правительство и дать ему время, чтобы укрепить свои позиции.

Решение Морриса внушало надежду российским властям. Сукин телеграфировал в посольство в Вашингтоне: «Моррис настойчиво указывает президенту на нежелательность останавливаться на полумерах и признать правительство без промедления, не дожидаясь выяснения военной обстановки. Последнее обстоятельство находит объяснение в опасении американцев, что в случае неудачного поворота военных дел, авторитет правительства начнет быстро падать и на его место выдвигаться другие группировки, менее приемлемые с точки зрения Америки. Особенно их, по-видимому, страшит возможность выступления Семенова и расширения таким образом влияния Японии на Дальнем Востоке». Несмотря на то, что Сукин считал свою задачу по воздействию на Морриса выполненной, он полагал преждевременным рассчитывать на полный успех, поскольку окончательное слово оставалось за президентом (ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 3. К. 93. Р. 3).

Ответ из Вашингтона был неутешительным. На вопрос о возможности отправки дополнительного военного контингента США для замены чехов на железных дорогах американский президент В. Вильсон ответил отказом [6, р. 413]. Из Белого дома ответили, что правительство США не может послать дополнительные войска и выделить кредиты без одобрения Конгресса. Несмотря на то, что на основе рекомендаций Морриса президентом готовится план помощи, любые обращения в Конгресс по этому поводу исключены до того момента, пока не будет ратифицирован Версальский мирный договор. Государственный секретарь Р. Лансинг просил Морриса убедить Колчака в том, что симпатии американского правительства на его стороне, однако оно скованно законодательными ограничениями и не может свободно распоряжаться средствами для осуществления операций за рубежом. Также Моррис должен был снова напомнить Колчаку о необходимости укрепить позиции своего правительства за счет представителей земств и муниципалитетов [6, р. 422]. На этом настаивал президент Вильсон [6, р. 418].

Моррис получил ответ на свои рекомендации 27 августа в Иркутске. Он был уверен, что без отправки американских войск все остальные пункты плана были невыполнимы. Это заставило его изменить позицию по вопросу о признании Омского правительства: «В этих обстоятельствах немедленное признание Колчака

было бы неразумным, поскольку это, по-видимому, обещало бы больше, чем мы можем выполнить» [6, р. 423]. Моррис встретился с Сукиным и сообщил ему о том, что ни на военную, ни на экономическую помощь со стороны США рассчитывать в ближайшее время не стоит. Вместе с тем он решил воздержаться от каких-либо заявлений относительно окончательной позиции своего правительства. Он полагал, что любое официальное заявление поставит руководство США в крайне затруднительное положение [6, р. 424]. Госдепартамент одобрил это решение. Вместе с тем Лансинг не сбрасывал со счетов возможность разработки и принятия более приемлемого в текущий момент плана.

В начале сентября ситуация в Сибири стабилизировалась. Однако информация о положении на фронте поступала крайне противоречивая. Англия и Франция, вдохновившись успехами А.И. Деникина, решили перенаправить помощь ему. Япония, в свою очередь, активизировала поддержку атаманов, позволяя им игнорировать новое межсоюзное соглашение по железным дорогам. Отношения между казаками и американскими военными обострились до предела. По мнению Морриса, японское правительство делало все, чтобы «позволить Семенову свободно распоряжаться железной дорогой от Маньчжурии до Верхнеудинска» [6, р. 571]. Р. Моррис тесно взаимодействовал с генералом Грейвсом. Он считал, что только У. Грейвс четко и ясно видел с самого начала, чем грозит неограниченная власть военщины. Он единственный из представителей союзников пытался с этим бороться, чем и вызвал всеобщее недовольство. Посол полностью поддерживал генерала в его стремлении добиться от омских властей действенных мер против казачьих лидеров, открыто выступавших за то, чтобы изгнать американцев из Сибири. Подчиняясь разным ведомствам, американские дипломаты и военные следовали зачастую совершенно разным инструкциям. Военное ведомство стремилось придерживаться принципа невмешательства в Гражданскую войну, в соответствии с указаниями президента. Государственный департамент, напротив, настаивал на необходимости поддержки Колчака американскими военными и дипломатами. По воспоминаниям самого генерала, он очень опасался, что столь противоречивые инструкции разрушат «сердечную атмосферу» совместной работы с Моррисом. Но дипломат его не разочаровал. Несмотря на

давление со стороны Госдепартамента, посол занял подчеркнуто нейтральную позицию. «К тому времени стало почти невозможно найти в Сибири человека, сохранявшего нейтралитет, и я очень ценил сочувствие мистера Морриса к моим усилиям по сохранению нейтралитета в ситуации, когда это стоило таких трудов», – писал впоследствии в своих воспоминаниях У. Грейвс [1, с. 148]. Моррис также разделял уверенность генерала, что удержать контроль над железными дорогами можно только устранив Г.М. Семенова и увеличив численность американского военного контингента, который должен полностью заменить чехословаков [2, с. 351]. По мнению Морриса, Япония могла в любой момент использовать казаков по своему усмотрению [8, р. 571–573]. На основании донесений Морриса и Грейвса Госдепартамент обратился к правительству Колчака и японским властям с требованием пресечь противоправную деятельность Г.М. Семенова и И.П. Калмыкова. В свою очередь, японское правительство заявило, что не может вмешиваться в деятельность представителей официальных российских властей и сняло с себя всякую ответственность за инциденты между казаками и представителями союзников. По мнению японского руководства, в подобных случаях союзники должны обращаться к Омскому правительству.

Все это привело к очередному кризису в американо-японских отношениях. 30 августа Белый дом опубликовал ноту, обвинив японское руководство в попытке установить свое доминирование в Сибири посредством поддержки казачьих атаманов. При этом Вашингтон отказывался рассматривать возможность решать спорные вопросы с правительством Колчака, сославшись на его непризнанный характер. Нота вызвала крайне негативную реакцию как у японского руководства, так и среди членов Омского правительства (ГАРФ. Ф. 10003. К. 86. Р. 4). Представители антибольшевистских сил расценили ноту как намерение Вашингтона отказаться от дальнейшей поддержки Колчака. В большинстве своем они были уверены, что нота явилась следствием пребывания Морриса в Сибири, хотя Государственный департамент это отрицал (ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 2. К. 86. Р. 5). Рост антиамериканских настроений среди окружения Верховного правителя привел к попытке добиться отстранения Сукина от должности. Стремительно росло число сторонников укрепления связей с Японией. Поползли слухи, что

Япония планирует продвижение своих войск до Байкала.

И.И. Сукин считал, что следствием американской ноты стала также активизация левой оппозиции на Дальнем Востоке. Левые эсеры стремились доказать союзникам, что колчаковское правительство скоро рухнет и агитировали за помощь демократическим силам, которые придут на смену диктатуре. Сукин был уверен, что американский посол поддастся этому влиянию. Для него не было секретом, что Моррис крайне негативно оценивал политику колчаковского правительства (ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 2. К. 86. Р. 1). Сукин допускал возможность того, что дипломат поддержит оппозицию. Он опасался, что рекомендации посла окончательно приведут к отказу США от поддержки Колчака (ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 3. К. 93. Р. 3). Он обсудил это на встрече с американским консулом Харрисом. По сведениям Сукина, посол Моррис, добравшийся до Владивостока, встретился там с представителями оппозиции. Позднее он якобы заявил, что окончательное падение Колчака вопрос нескольких дней и планируется создание правительства из революционных партий. Консул Харрис обратился за разъяснениями в Госдепартамент. Он полагал, что подобное заявление со стороны Морриса, будь оно правдой, нанесло бы непоправимый удар по положению американцев [6, р. 424].

Официальный Вашингтон опроверг все обвинения. Сведения о заявлениях Морриса были названы пропагандой. Консул во Владивостоке получил распоряжение срочно опубликовать заявление о поддержке Колчака (ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 359. Л. 15). Представители Госдепартамента заверили российского посла в Вашингтоне, что вывода американских войск из Сибири не планируется (ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 3. К. 93. Р. 3). Посол Моррис получил приказ немедленно отбыть в Японию.

Отказ Палаты представителей Конгресса США ратифицировать Версальский договор в сентябре 1919 г. фактически означали провал внешнеполитического курса В. Вильсона. Последовавший в ноябре крах Омского правительства снял с повестки дня вопрос о дальнейшей помощи и поддержке белого движения в Сибири. Тем не менее, еще оставалась надежда сохранить американское присутствие на железных дорогах, но теперь это было возможно только при содействии Японии. Р.С. Моррис вернулся в Токио. Несмотря на то, что его мис-

сия в Сибири была завершена, перед ним стояла задача найти способ сохранить межсоюзное соглашение по железным дорогам. В октябре–ноябре 1919 г. он вел переговоры с японским правительством о возможности урегулировать отношения двух стран в Сибири [6, р. 535–536]. На встрече 4 октября с представителями японского правительства Моррис подробно изложил свои выводы относительно действий японских командующих в Сибири и на Дальнем Востоке. Он представил не только свои личные наблюдения, но и многочисленные свидетельства американских и союзных представителей, доказывающие, что действия японских военных являются частью целенаправленной политики, призванной сорвать реализацию межсоюзного соглашения. Он предупредил представителей японского руководства, что столь фундаментальные различия в политике в Сибири «делают невозможным реальное сотрудничество» и могут в любой момент привести к какому-нибудь местному инциденту, который серьезно поставит под угрозу дружбу двух стран [6, р. 586].

На основании отчета Морриса об этой встрече Государственный департамент направил ноту японскому правительству, в которой обвинил японских военных в намерении поддержать попытку установить независимую российскую власть под руководством Г.М. Семенова к востоку от озера Байкал. Официальный Вашингтон заявил, что подобные действия означали бы крайне неблагоприятные последствия как для антибольшевистского движения, так и для межсоюзного соглашения по железным дорогам [6, р. 587]. Однако попытки оказать давление на руководство Японии результата не принесли. Переговоры зашли в тупик. Американское правительство не могло увеличить свой военный контингент, лишившись единственного значимого фактора влияния на ситуацию в Сибири. Дальнейшее пребывание американских солдат в России руководство Белого дома сочло бессмысленным. В результате США в декабре 1919 г. в одностороннем порядке приняли решение вывести войска. Это решение значительно ослабило позиции сторонников сотрудничества с США в японском правительстве и способствовало дальнейшему ухудшению двусторонних отношений. В мае 1920 г. Р.С. Моррис покинул пост посла в Японии.

Миссия посла Морриса в Сибирь не смогла выполнить поставленные перед ней задачи. Американское руководство намеревалось опереться на режим Колчака в реализации целей американ-

ской интервенции, при этом убедившись, что политика в Сибири не вызовет еще больших противоречий в американском обществе. Доклады Р. Морриса не позволили президенту В. Вильсону обрести почву под ногами в «русском вопросе» и укрепить свои позиции в противостоянии с Конгрессом. Американское руководство и посол Моррис были фактически лишены инструментов влияния на развитие ситуации в России. Попытки посла добиться демократизации омского режима и отстранения Г.М. Семенова в условиях военных неудач были заведомо обречены на провал. Вместе с тем материалы данной миссии свидетельствуют о наличии разногласий как в самом правительстве США, так и среди американских представителей в России по вопросу о целях и методах американской политики в Сибири. Двойственная позиция Морриса по вопросу о поддержке Колчака, явившаяся следствием этих разногласий, способствовала росту антиамериканских настроений среди представителей белого движения. Попытки использовать миссию в качестве средства давления на японское правительство лишь усилили американо-японские противоречия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грейвс У. Американская интервенция в Сибири. 1918–1920: воспоминания командующего экспедиционным корпусом. М.: Центрполиграф, 2018.
2. Дэвис Д.Э., Трани Ю.П. Первая холодная война. Наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.
3. Попова Е.И. Политика США на Дальнем Востоке (1918–1922). М.: Наука, 1967.
4. Светачев М.И. Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.). Новосибирск: Наука, 1983.
5. Юрченко Е.С. В. Вильсон и Белая Россия: отношение правительства США к проблеме дипломатического признания и поддержки антибольшевистских правительств в России, 1917–1920 гг. Хабаровск: Изд-во ТОГУ, 2016.
6. Fuller, J.V. ed., 1937. Papers relating to the foreign relations of the United States. 1919. *Russia*. Washington: U.S. Government Printing Office.

7. Link, A.S. ed., 1989. The papers of Woodrow Wilson. Vol. 59. May 10–31, 1919. Princeton: Princeton University Press.

8. Link, A.S. ed., 1989. The papers of Woodrow Wilson. Vol. 61. June 18 – July 25, 1919. Princeton: Princeton University Press.

REFERENCES

1. Graves, U., 2018. *Amerikanskaya interventsia v Sibiri. 1918–1920: vospominaniya komanduyushchego ekspeditsionnym korpusom* [America's Siberian adventure, 1918–1920]. Moskva: Tsentrpoligraf. (in Russ.)
2. Davis, D.E. and Trani, E.P., 2002. *Pervaya kholodnaya voina. Nasledie Vudro Vil'sona v sovetsko-amerikanskikh otnosheniyakh* [The first Cold War. Woodrow Wilson's legacy in U.S.-Soviet relations]. Moskva: OLMA-PRESS. (in Russ.)
3. Popova, E.I., 1967. *Politika SShA na Dal'nem Vostoke (1918–1922)* [U.S. policy in the Far East, 1918–1922]. Moskva: Nauka. (in Russ.)
4. Svetachev, M.I., 1983. *Imperialisticheskaya interventsia v Sibiri i na Dal'nem Vostoke (1918–1922 gg.)* [The imperialist intervention in Siberia and Russian Far East, 1918–1922]. Novosibirsk: Nauka. (in Russ.)
5. Yurchenko, E.S., 2016. *V. Vil'son i Belaya Rossiya: otnoshenie pravitel'stva SShA k probleme diplomaticheskogo priznaniya i podderzhki antibol'shevistskikh pravitel'stv v Rossii, 1917–1920 gg.* [W. Wilson and White Russia: the attitude of the US government to the issue of diplomatic recognition and support of anti-Bolshevik governments in Russia, 1917–1920]. Khabarovsk: Izd-vo TOGU. (in Russ.)

6. Fuller, J.V. ed., 1937. Papers relating to the foreign relations of the United States. 1919. *Russia*. Washington: U.S. Government Printing Office.

7. Link, A.S. ed., 1989. The papers of Woodrow Wilson. Vol. 59. May 10–31, 1919. Princeton: Princeton University Press.

8. Link, A.S. ed., 1989. The papers of Woodrow Wilson. Vol. 61. June 18 – July 25, 1919. Princeton: Princeton University Press.

*Статья поступила в редакцию 02.02.2024;
рекомендована к печати 15.04.2024*